

6-2112

Prof. P. Palmesele
kuratoris ir žurnāls
P. Aistē

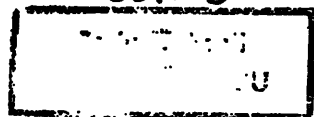
ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК ЛАТВИЙСКОЙ ССР
LATVIJAS PSR ZINATŅU AKADEMIJAS VESTIS

1958. g. Nr. 11 (136).

№ 11 (136), 1958 г.

Valodniecība ○ Языкознание

Est. B



6325

П. А. Аристэ

ЛИВЫ И ЛИВСКИЙ ЯЗЫК

На территории Латвийской ССР бок о бок с латышами живет немногочисленная народность — ливы, о которых в советской научной литературе мы находим очень мало сведений. В свое время по самоназванию ливов южная часть Эстонской ССР и северная часть Латвийской ССР назывались Ливонией, или Лифляндией.

По данным археологии, территория, которую позднее заняли прибалтийско-финские племена, непрерывно заселялась уже на протяжении последних тысячелетий до н. э. Примерно за 800 лет до н. э. начинают определяться границы между позднейшими племенными группировками. Археологические данные подтверждаются и языковым материалом¹. Ряд существенных черт, отличающих отдельные прибалтийско-финские языки друг от друга, несомненно возник еще в I тысячелетии до н. э. Судя по языковым данным, ливская племенная группировка была одной из древнейших самостоятельных группировок прибалтийских финно-угров. В основном словарном фонде ливского языка имеется много таких слов финно-угорского происхождения, которых не знают другие прибалтийско-финские языки, т. е. эстонский, водский, финский, ижорский, карельский, вепсский. Грамматический строй ливского языка также содержит ряд черт, не известных другим близкородственным языкам. О ливах, как о самостоятельной этнической группировке, говорят также древние письменные источники. Так, например, древнейшая русская летопись «Повесть временных лет» приводит подробные данные о расселении восточных славян и их соседей незадолго до объединения восточных славян под властью киевских князей. В числе соседей восточных славян упомянуты и ливы (либь)². Гораздо больше сведений о ливах сохранилось в хрониках периода захватнических войн немецких рыцарей в конце XII и в начале XIII века. Именно ливы были первой жертвой экспансии немцев в Прибалтику. Когда были поработаны многие славянские племена, жившие на побережье Балтийского моря, немецкие завоеватели стали вторгаться все дальше на восток. Обычно этим вторжениям предшествовало появление немецких купцов и миссионеров.

¹ А. Я. Брюсов, Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва, 1952, стр. 164 и сл.; Н. Моора, Pirmatnējās kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, 1952, стр. 25 и сл.; Х. А. Моора, Вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XII, Москва, 1950, стр. 29 и сл.; П. А. Аристэ, К вопросу о развитии ливского языка, Труды Института языкознания АН СССР, IV, Москва, 1954, стр. 254 и сл.; П. А. Аристэ, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, Вопросы этнической истории эстонского народа, Сборник статей под редакцией Х. А. Моора, Таллин, 1956, стр. 5 и сл.

² Повесть временных лет. I. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, Москва, 1950, стр. 13 и 209.

В 80-х годах XII столетия на берегу Даугавы появились первые постоянные укрепления немцев. Придаугавские, пригауйские, а также прочие ливы, населявшие Ливонию, были поработаны немцами в начале XIII века. Ливы в бывшей Куронии (Курляндии) оказали немцам захватчикам более упорное сопротивление, но в течение XIII столетия и они потеряли свою самостоятельность.

Ливы никогда не были многочисленными. В начале XIII столетия, когда Генрих Латвийский написал свою хронику, они занимали сравнительно небольшую территорию на побережье Рижского залива, от эстонской языковой границы на севере до середины Курземского полуострова. В некоторых местах ливы и латыши, или ливы и курши, занимали одну и ту же территорию, как, например, на Курземском полуострове, на северном берегу реки Даугавы и отчасти на берегах реки Гауи. Во время захватнических войн особенно сильно пострадали ливские земли, расположенные на север от реки Даугавы, так как ливы часто подвергались нападениям со стороны соседей — эстонцев и латышей, которые боролись против захватчиков, имевших свои укрепления на территории ливов. Из-за продолжительных войн еще в XIII веке численность ливов очень сильно уменьшилась. На опустевшие земли ливов переселялись главным образом латыши из ближайших соседних местностей. Смешанная ливско-латышская территория все более расширялась. Шаг за шагом латышский язык вытеснял ливский. Есть возможность до некоторой степени проследить, каким образом ливский язык уступал место латышскому в отдельных древнеливских местностях. В XIV и XV веках ливы жили еще в разных местах около Риги и в Сигулде³. Историограф Прибалтики Томас Йерне в 70-х годах XVII века записал в местности, расположенной между городами Лимбажи и Цесис, ряд ливских слов и предложений⁴. В своей хронике он пишет, что по-ливски говорят на Салацком побережье, т. е. в устье реки Салаца и на юг от нее, а также на территории около Лимбажи, Лиелупе, Набе и Вайнажи⁵. Исследователь древностей Лифляндии И. Бёргер пишет в 1778 году, что он по пути из Эргеме в Ригу в регенсбургской корчме лично встретил людей, говоривших на ливском языке⁶. В 1807 году В. Дитмар упоминает о ливах в Вец-Салаце, Светцее и на берегах Светупе и Салаца недалеко от моря⁷.

В XVIII и XIX веках на реке Салаца было еще столько ливов, что их язык неоднократно записывался разными исследователями, наиболее выдающимися из которых были Х. Яннау и академик А. Шёргрен. Последний был у ливов в 1846 году. Салацкие ливы окончательно слились с латышами во второй половине прошлого столетия⁸.

В настоящее время население, знающее ливский язык и считающее

³ Joh. Andreas Sjögren's, *Livische Grammatik nebst Sprachproben*. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861, стр. XLVII и сл.

⁴ A. Westren-Doll, Thomas Hiärns Estnisch und Livisch. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft* 1921, Dorpat, 1922, стр. 39 и сл.

⁵ Th. Hiärne, *Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte*. *Monumenta Livoniae Antiquae* I, Riga—Dorpat—Leipzig, 1835, стр. 13.

⁶ J. L. B ö r g e r, *Versuch über Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten*, Riga, 1778, стр. 85.

⁷ W. von D i t m a r, *Disquisitio de origine nominis Livoniae*, Heidelberg, 1816.

⁸ A. J. Sjögren, Bericht über eine im Auftrage der Russischen Geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liven und Krewingen, *Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg* I, Weimar, 1849, стр. 453—605. В сокращенном виде путевые заметки А. А. Шёргрена вышли на русском языке: *Записки Русского Географического Общес-*

себя самостоятельным народом, живет в 12 деревнях, расположенных на узкой прибрежной полосе на мысе Курземского полуострова в Вентспилском и Тялсинском районах. Две деревни, Мелнсилс (по-ливски Mustapum) и Колка (Kūolka), расположены на берегу Рижского залива, остальные 10 деревень находятся на побережье Балтийского моря, к западу от мыса Колка. Эти деревни следующие: Вайда (Vaid), Саунага (Sānōg) Питрага (Pītrōg), Кошрага (Koštōg), Мазирбе (Ire), Сикрага (Sīkrōg) Яунциемс (Užkila), Лиелирбе (Ira), Микельторнис (Pīza) и Лужня (Lūž). В этих деревнях на ливском языке говорят лишь 500—550 человек. Некоторое количество ливов живет в Дундаге, Вентспилсе, Талси, Риге и в других местах. Можно полагать, что число ливов достигает 800 человек. Ливы сильно пострадали в период немецко-фашистской оккупации. Их выгоняли из родного дома и заставляли уходить вглубь страны, где многие старые ливы, всегда говорившие на родном языке, быстро вымирали из-за тяжелых материальных условий. Некоторые ливы погибли в фашистских концентрационных лагерях и на принудительных работах в Германии. Освобождение Красной Армией в 1945 году территории ливов дало местному населению возможность вернуться на прежние места жительства и приступить к строительству новой жизни.

В бывшей Курляндии можно также проследить постепенное исчезновение ливского языка. Еще в XIX столетии ливы жили здесь в Гипке и Рое.

В наше время в ливских деревнях повсюду живут и латыши, а в большинстве деревень латышский язык даже распространен больше, чем ливский. Из молодежи ливский язык хорошо знают лишь несколько десятков человек, а из детей — лишь единицы. Молодежь обычно знает только латышский язык и почти ничем не отличается от своих соседей — латышей.

Салацкие ливы называли себя līb. В настоящее время ливы в Дундаге называют себя līvli, множ. число līvlīst, или также gāndali, множ. число gāndalist, т. е. прибрежные, и kalamiez, множ. число kalamied, т. е. рыбаки. Латыши называют ливов libieši и jūrmalieši, т. е. прибрежные. В эстонском литературном языке этот народ называется liivlased. Эстонцы с острова Сааремаа, имеющие непосредственные связи с ливами через море, называют последних kuralased, т. е. курши, или gannakuralased — прибрежные курши.

Во второй половине XVIII столетия ливами начинают серьезно интересоваться многие исследователи. Одним из первых организаторов исследования ливов и ливского языка был А. Л. Шлётцер. По инициативе Шлётцера пасторы в Маэсалаце, Энгуре и Мазирбе записали ливские слова и предложения, которые были им опубликованы в 1770 году⁹. Ни один из корреспондентов Шлётцера, ни он сам не владели ливским языком. Поэтому во всех этих записях много ошибок. Но все же эти записи очень ценны, так как они впервые дали ученым более полное представление о структуре ливского языка. В начале XIX века некоторые любители записали и издали новые лексические материалы, тексты и грамматические примеры этого языка.

Интересы исследователей ограничивались главным образом языком. Лишь изредка давались некоторые замечания о самих ливах и их быте.

ства II, Санкт-Петербург, 1847, стр. 253 и сл.; H. J a n n a u, Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten, — Beiträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache IX, Pernau, 1828.

⁹ J. J. H a i g o l d, Beylagen zum neueränderten Russland II, Riga, 1770, стр. 345 и сл.

Первым ученым, приступившим к научному исследованию ливского языка и ливов, был академик А. Шёгрэн. Он посещал ливов в 1846 и 1852 годах. Прежде всего он побывал на берегах р. Салаца и затем направился в Курземе. Шёгрэну сопутствовал художник Петцольд, написавший целый ряд акварелей, имеющих значительную этнографическую ценность. Большая часть этих акварелей хранится в собраниях Географического общества СССР. Некоторые экземпляры находятся в архиве Государственного исторического музея в Риге. Во время своего путешествия Шёгрэн собрал много материала по лексике, морфологии и фольклору. Особенно большое значение имеет пространное описание быта ливов. Данные Шёгрэна о салацких ливах незаменимы, так как после него исследователи на этой территории, занятой исчезнувшими теперь ливами, не появлялись. Салацких ливов в конце XVIII и начале XIX столетия помещики и духовенство преднамеренно уничтожали. Ливов считали колдунами, запрещали им говорить на ливском языке и расселяли их среди латышей для более быстрой ассимиляции.

Шёгрэн умер в 1855 году, не успев подготовить к печати материалы о ливах. Академия наук поручила опубликование этих материалов академику Ф. И. Видеману. В 1858 году Видеман сам отправился в Курземе, чтобы собрать добавочные сведения и заполнить пробелы, оставшиеся в работе Шёгрэна. Эта общая работа Шёгрэна и Видемана, появившаяся в печати в 1861 году, представляет собой одно из наиболее значительных изданий Академии в области языковедения и этнографии и содержит 883 страницы текста¹⁰. В первом томе этого труда дается также довольно обширный обзор литературы, относящейся к более древним периодам истории ливского народа. С этнографической точки зрения весьма ценными являются сведения о быте ливов, собранные Шёгрэном и Видеманом и дополненные другими исследователями. Здесь приводятся описания образа жизни курземских ливов, их домашнего уклада, общественной организации, отношений с помещиками, одежды, поверий и обычаев, даются образцы народных сказаний, песен и т. д. Второй том представляет собой ливско-немецкий и немецко-ливский словарь с весьма обширным словарным запасом.

Хотя Академия наук и сделала первый шаг в области научного исследования ливского народа, но в дальнейшем ливы все же были ею забыты. Позже ливским языком занимались главным образом финские филологи, опубликовавшие некоторые исследования по исторической фонетике, тексты и новый словарь ливского языка¹¹. Ливский фольклор в большом количестве собирался эстонскими фольклористами. Собранные материалы хранятся в Литературном музее имени Ф. Р. Крейцвальда Академии наук Эстонской ССР в Тарту. Некоторые работы о верованиях и народных песнях ливов были опубликованы в печати.¹² Находящийся в Тарту Эстонский народный музей (теперь Этнографический музей АН ЭССР) собирал этнографические материалы о ливах.

Когда в 1940 году ливы вместе с латышами и другими народами

¹⁰ Joh. Andreas Sjögren's, *Livische Grammatik nebst Sprachproben*. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861. Вторая ч.: *Livisch-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch*, St. Petersburg, 1861.

¹¹ L. Kettunen, *Untersuchung über die livische Sprache I*, Tartu, 1925; E. N. Setälä, *Näytteitä livilin kielestä*, Helsinki, 1953; L. Posti, *Grundzüge der livischen Lautgeschichte*, Helsinki, 1942; L. Kettunen, *Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung*, Helsinki, 1938 и т. д.

¹² См., например, O. Loorits, *Livi rahva usund I—III*, Tartu, 1926—1928; O. Loorits, *Volkslieder der Liven*, Tartu, 1936.

Прибалтики вошли в состав Советского Союза, эстонские и латышские ученые включили в план своей работы всестороннее исследование этой немногочисленной народности. Но нападение Германии на СССР прервало намеченную работу на несколько лет. Лишь после капитуляции немецких фашистов в 1945 году, когда остатки ливского народа смогли снова вернуться в родные края, ученые получили возможность продолжать свои исследования. Так, кафедра финно-угорских языков Тартуского государственного университета поставила перед собой в качестве одной из задач всестороннее собирание ливских языковых материалов. Хотя записи ливского языка существовали и раньше, они были все же слишком односторонни. Собирались главным образом лексические и фонетические материалы. Надо было собрать материалы о синтаксисе, морфологии и семантике и пополнить словарный запас. Необходимо было собирать материалы также о латышко-ливских языковых взаимоотношениях. С этой целью Тартуский государственный университет организовал летом 1948—1950 и 1955—1956 годов исследовательские экспедиции в Вентспилсский и Талсинский районы, где живут остатки ливов, говорящих на родном языке. Работой экспедиций руководили преподаватели Тартуского государственного университета, остальными же участниками экспедиции были студенты, изучающие финно-угорские языки. Собирались не только чисто лингвистические материалы, но и фольклорные, как-то: сказки, предания, народные песни и т. д. Особое внимание уделялось изучению развития языковых и общественных условий в ливских поселениях в течение XIX века, так как данные об этом периоде в более ранних собраниях очень немногочисленны. Были записаны также предания о временах феодализма, о восстаниях ливов против дундагских баронов и т. д. В общем было собрано большое количество разнообразных сведений, которые еще ожидают разработки.

Поселения ливов находятся на дюнах, где почва малоплодородна. Удовлетворительно растет здесь лишь рожь и картофель. Поля представляют собой маленькие, обнесенные забором клочки земли. Луга немного лучше, что дает возможность держать скот и овец. В эпоху феодализма и капитализма ливы были вынуждены покупать хлеб у латышей, живущих во внутренних районах. Главным средством существования у ливов было все же рыболовство. Наиболее распространенной рыбой является камбала и килька. Другие сорта рыбы распространены мало и не имеют хозяйственного значения. Более старая форма рыболовного промысла заключалась в том, что каждая лодка представляла собой отдельное «общество» (*seļtš*). Хозяин лодки или кто-либо из членов «общества» был руководителем. У «общества» были свои неводы и сети. Рыба или делилась между всеми членами поровну, за исключением хозяина лодки, который получал две части, или каждому доставалась та часть улова, которая попадала в принадлежавшую ему сеть. Рыбу везли на продажу во внутренние районы, в крестьянские дворы латышей, мызы и городки, где за нее получали деньги или зерно. Вместе с развитием капитализма шло расслоение и среди самих ливов. В ливских деревнях появились крупные рыбопромышленники, пользовавшиеся наемной силой и скупавшие рыбу для перепродажи. В начале этого века рижские и таллинские консервные фабрики стали посылать в ливские деревни своих представителей, которые заключали договоры с рыбаками и солили и консервировали рыбу прямо на берегу. Более зажиточные ливы приобретали парусные или моторные лодки, на которых плавали сами или нанимали моряков. Развитию мореходства способствовала и морская школа, основанная в селе Мазирбе (по-ливски *Ige*), в центре территории, занимаемой ливами. Но позже, во время первой мировой войны, ливский рыболовецкий флот был

почти совершенно уничтожен. Многие ливы занимались торговлей. Они скупали у эстонцев острова Сааремаа рыбу, скот, кожу и т. п. и отправляли эти товары дальше, рижским предпринимателям. Так как бедняки Сааремаа не могли найти работу на своем острове, то в конце прошлого и в первые десятилетия настоящего века батраки и пастухи стали массами переселяться через пролив, в богатые крестьянские дворы латышей. Роль посредников между рабочими и работодателями выполняла особая прослойка ливских кулаков.

В настоящее время ливские рыбаки объединились в крупные рыбо-ловецкие артели и колхозы.

В противоположность латышам, ливы жили и живут не на отдельных хуторах, а вместе, в деревнях. Крестьянский двор ливов также до некоторой степени отличается от латышского, что обусловлено иным образом жизни и ведением хозяйства у ливов, не нуждающихся в большом количестве хозяйственных построек. Жилые дома у ливов деревянные, по большей части обшитые досками и выкрашенные в белый, желтый, зеленый или голубой цвет. Против дома, через двор, находятся хозяйственные постройки: хлев, амбар, сарай, специальный маленький амбар для рыбы на высоких угловых камнях или столбах, который в более позднее время был заменен погребом. Рыбный амбар иногда располагался на берегу, в отдалении от дома. На берегу, вблизи причала, расположены и сараи для сетей. Между домом и хозяйственными постройками обычно находится покрытый дерном двор, который содержится в чистоте. Все постройки окружены низким забором. На некотором расстоянии от построек находится рига, обычно тоже обнесенная забором. При жилых постройках в некоторых дворах имеются небольшие фруктовые сады, большей же частью только цветники. В более зажиточных хозяйствах жилой дом состоит из двух — трех и более комнат, с оклеенными обоями стенами и крашеными полами. В некоторых более старых домах можно видеть прежнюю, выкрашенную в зеленый или красный цвет и украшенную цветочным узором мебель, но в большинстве домов она напоминает мелкобуржуазный стиль. Более бедные дома обычно состоят из передней-кухни и комнаты. У ливов, как и у соседних латышей, печки низкие и облицованы изразцами. В крупных центрах, как, например, в Колке, ливы переходят на городской образ жизни.

Низкая национальная одежда у ливов вышла из употребления уже давно (два-три поколения тому назад), у женщин она сохранялась дольше. У пожилых женщин она хранится в сундуках и надевается в торжественных случаях, как, например, на свадьбу. Некоторые молодые женщины и сейчас шьют себе национальные костюмы и надевают их во время демонстраций, вечеров самодеятельности, певческих праздников и т. д. Ливский хор из Мазирбе на последнем республиканском празднике песни в Латвийской ССР обратил на себя внимание именно благодаря красной национальной одежде. Ливский женский национальный костюм состоит из юбки с узкими разноцветными полосками, одноцветного — красного или синего — корсажа, который надевается на белую рубашку. На шее очень пестрый (покупной) платок. Грудь украшают такие же застёжки и пряжки, как и у латышек. Иногда носят и медные цепочки. На голове низкая, расшитая пестрым цветочным узором шапочка. На плечи наброшен такой же большой платок, как и у латышек.

Ливы все больше сливаются с латышами. С каждым годом все более стираются различия между этими двумя народами. Наиболее ярко своеобразие ливов отражается в их современном фольклоре. Большинство

народных сказаний ливов связано с морем. О живущем в море «морском народе» (mier-gouž) существует целая серия рассказов: о том, как морские люди пасут своих коров на синем берегу, зовут рыбаков к себе на свадьбу («Морская свадьба» — вообще любимая сказка ливов), помогают прилежным рыбакам и наказывают ленивых и нерадивых и т. д. Популярны также поверья и рассказы о «волколаках» (vīlkatōkst), об особых духах — колдунах, которых называют «холодные башмаки» (kylma-kāngad), и о богатыре «Великом Теле» (Sūr Tel). Разумеется, что в ливских поверьях и сказках много общего и с соответствующими латышскими поверьями и сказками. Ливская народная сказка бытует и поныне. Ливские народные песни в общем имеют большое сходство с латышскими, но имеются и такие песни, которые латышам неизвестны.

У ливов существует небольшая литература на родном языке, начало которой положено с помощью академика Ф. И. Видемана. Первая ливская книга издана в 1863 году. Первыми ливскими писателями были учителя Н. Полман (Nika Polman) и Я. Принц (Jāņ Princ). Немногочисленные литературные произведения прошлого столетия имеют исключительно религиозный характер. В XX веке, кроме церковной литературы, издавались также хрестоматии, книги для детей, песенники, календари и разные небольшие книжечки, а также газета «Līvli» («Лив»).

В настоящее время ливов отделяет от их соседей — латышей — в основном различие языков. Ливский язык вместе с эстонским и водским составляют южную группу прибалтийско-финских языков; финский, карельский, ижорский и вепсский составляют северную группу. Ливский язык гораздо ближе к эстонскому языку, чем латышский язык к литовскому. Поэтому лив и эстонец могут довольно хорошо понимать друг друга.

На окончательное формирование ливского языка оказали весьма сильное влияние языки балтийских племен, а позднее именно латышский язык. Во всех прибалтийско-финских языках имеется много древних заимствований из балтийских языков. Но больше всего этих заимствований все же в ливском языке. Эти древние заимствования важны также с точки зрения изучения истории латышского языка, так как в них сохранились многие древние фонетические черты балтийских языков, например слова palandōks 'голубь', латыш. balodis, лит. balandis; kill 'зеленый дятел', латыш. dzilna, dzilnis (<древней формы *gilna); vāgal 'налим', латыш. vēdzele, лит. vėgėlė; kōidaz 'бердо', латыш. šķiets, лит. kietas (ливский язык показывает, что древняя балтийская форма была *skeitas) и т. д. Древние заимствования из балтийских и латышского языка, встречающиеся в ливском языке, получили прибалтийско-финский фонетический облик, т. е. полностью ассимилировались с тем словарным составом, который был унаследован ливским языком из общего прибалтийско-финского словарного фонда, например krežil 'корзина' <латыш. grezele; tūr 'угол' < stūris; rāibō 'сребать' < grābt; plaka' kuon' < blakts; juddōrz 'рыжик' < judras и т. д. Однако большинство имеющихся в ливском языке латышских заимствований имеет такую фонетическую структуру, которая не является типичной для прибалтийско-финских языков, а образовалась под влиянием фонетики латышского языка: daļa 'часть' < daļa, dzīzlōz, 'жила' < dzīsla, gūod 'честь' < gods, znuot' 'зять' < znots, nēžōd 'кормысло' 'пряжка', < nēši, sprādž sprādze и т. д. Как известно, ливский язык оставил свои следы и в латышском языке, оказав на него особенно сильное влияние в части лексики и менее сильное в части фонетики и грамматики. Однако перевес оказался на стороне латышского языка, так как территория ливского языка все более сужива-

лась и продолжает суживаться и в настоящее время. Этот процесс будет происходить до тех пор, пока ливский язык не будет окончательно вытеснен латышским языком. Ливский язык находится на том этапе развития, когда количество имеющихся в нем латышских элементов все возрастает. Сфера бытования ливского языка очень узкая: она ограничивается пределами домашнего обихода какого-нибудь десятка деревень.

Грамматический строй ливского языка в основном тот же, что и в эстонском, водском, финском и других прибалтийско-финских языках. Система ливского склонения и спряжения отличается от систем других прибалтийско-финских языков лишь некоторыми деталями. В области словообразования также имеются лишь отдельные черты, не известные другим прибалтийско-финским языкам. Наибольшее влияние латышского языка на ливскую грамматику сказывается в системе глагола. Так, например, из латышского языка заимствованы префиксы: *võitō* 'взять' — *aptiedō* 'заимствовать, отнять' (латыш. *ņemt* — *aizņemt*); *tiedō* 'делать' — *aizvōitō* 'окружить' (латыш. *taisīt* — *aptaisīt*); *umbļō* 'шить' — *izumbļō* 'вышить' (латыш. *šūt* — *izšūt*); *kandō* 'нести, носить' — *pakandō* 'вынести, перенести' (латыш. *nest* — *panest*); *vodlō* 'ожидать' — *sovodlō* 'обождать' (латыш. *gaidīt* — *sagaidīt*) и т. д.

В ливский язык проникли некоторые латышские суффиксы, как, например, *-īgs*, *-ums*, *ība*: *āndīg* 'щедрый' (*āndab* 'он даст'); *pūdōm* 'чистота' (*pūdōz* 'чистый'); *kovalib* 'ум' (*koval* 'умный').

Можно установить ряд латышских черт и в области синтаксиса ливского языка. Так, например, 3-е лицо единственного числа употребляется вместо прибалтийско-финского имперсонала: *ku um jōva āiga, siz veijōb kallō* 'когда хорошая погода, то ловят рыбу' — слово *veijōb* значит 'он ловит' и 'ловят'. Все остальные прибалтийско-финские языки имеют особые формы имперсонала, например эст. *pūab kala* 'он ловит рыбу' и *pūitakse kala* 'ловят рыбу'. В латышском языке *zvejo* значит 'он ловит' и 'ловят'. Кроме словарного состава, латышское влияние сказывается сильнее всего на звуковой системе ливского языка. Фонетическое влияние латышского языка прослеживается уже в далеком прошлом и продолжается в настоящее время. Так, например, еще в текущем столетии гласные *ō* и *ū* делябилизировались в *e* и *i*, так как латышский язык не знает лабиальных *ō* и *ū*. В начале этого столетия говорили: *'сердце'* *kūla* 'деревня' *gōrtō* 'трясти', а сейчас употребляются формы *sidm*, *kila*, *reptō*.

В ливском языке имеется ряд фонетических явлений, развившихся параллельно в ливском и латышском языках. К таким фонетическим явлениям относится, например, переход смягченных *š*, *ž* и *č* (= *t'š*) *š*, *ž* и *č* *māškōz* (< **māsik* 'земляника', *tāuž* (< **tāuz*) 'полный', *vo'tšō* (< **ol'si* 'искать' и т. д.; ср. латыш. *šūt*, лит. *siuti* 'шить', латыш. *laciš* 'медведь', род. пад. *lāča* < **lāča*). Как латышскому, так и русскому языкам свойственна сходная интонационная система. В фонетическом отношении ливский язык в наибольшей мере отошел от других прибалтийско-финских языков.

Несмотря на сильное влияние латышского языка, ливский язык все же остался типичным финно-угорским языком.

Ливский язык сыграл немалую роль в формировании латышского языка. Ливы, которые перешли на латышский язык, сохранили в своей речи многие ливские слова, выражения и грамматические особенности, которые позднее могли распространиться и на исконно латышские области. В латышских диалектах с ливскими элементами число последних постепенно уменьшается. Если в тех местах, где ливский язык вымер, ливы

владели наряду с латышским языком еще и ливским, то их латышский язык был очень сильно ливонизирован. Дундагский пастор Я. Ф. Бункау характеризует в 1721 году латышский язык ливов в своем стихотворении о Дундаге в следующей форме (параллельно приведен тот же отрывок песни в нормальной форме латышского языка):¹³

Weija ne irr, wehtra peezech,	Zvejas nav, vētra spiež,
pehka peetruhkst, ko buhs darriht?	spēka pietrūkst, ko būs darīt?
Mums tas tohrmis ja iszeesch.	Mums tas stormis jāizcieš.

— Улова нет, буря давит, не хватает силы. Что нужно делать? Мы должны вытерпеть эту бурю.

Латышский язык ливов характеризуется неправильным употреблением отрицательной формы глагола *būt* (*ne ir* вместо *nav*) и выпадением согласных в начале слова. Современные ливы значительно лучше владеют латышским языком, но и их язык отличается во многом от языка соседей, говорящих только по-латышски. Приведу пример латышской речи одной ливской старушки из деревни Мазирбе:

teī cieme ir doūdž mājās. tē runē lībisk un latvīsk. te ir vāirāk latvieš nekā lībieš. mūs cieme ir slikt zēm, smilktāns. ka nou līec, tad iškālst vīš. mās dzīve nūo jur. tur zveījuo zīvās. tūos pārdūod un tad dabē noud. mušs kaīram ir vīen guūw. es dzīvuo šinī ištābā diūdešmit gād, ess ir slišs cilvāks. man jāgul gulīta. mann ir švakš sīrc. ess ir seždešmit septiņ gād vāč. man māss ir vācāk biš pār mām. brālī tie ir nūomīrūs. tie bi doūdž joūnāks.

В латышском литературном языке приведенному примеру латышского диалекта ливов соответствует:

Tai ciemā ir daudz māju. Še runā lībiski un latviski. Še ir vairāk latviešu nekā lībiešu. Mūsu ciemā ir slikta zeme, smilšaina. Kad nav lietus, tad izkalst viss. Mēs dzīvojam no jūras. Tur zvejo zivis. Tās pārdod un tad dabū naudu. Mums katram ir viena gov. Es dzīvoju šinī istabā divdesmit gadus. Esmu slims cilvēks. Man jāgul gulīta. Mann ir švaks sīrc. Ess ir sešdesmit septiņus gadus veca. Mana māsa ir bijusi vecāka par mani. Brāļi, tie ir nomiruši. Tie bija daudz jaunāki.

— В этой деревне много домов. Здесь говорят по-ливски и по-латышски. Здесь больше латышей, чем ливов. В нашей деревне плохая земля, песчаная. Когда нет дождя, так все высохнет. Мы питаемся морем. Там ловят рыбу. Ее продают и тогда получают деньги. У нас у каждого одна корова. Я живу в этой комнате двадцать лет. Я больной человек. Я должна лежать в кровати. У меня слабое сердце. Мне 67 лет. Моя сестра была старше меня. Братья, они умерли. Они были гораздо моложе меня.

Автор настоящей статьи слышал в дер. Мижельторнис следующее предложение: *vāces aizgāj aiz diš susklej jālams zvēit*¹⁴, т. е. *vecāis aizgāja aiz lielā sēkļa svaigumus zvejoť.*

— Мой муж пошел ловить свежую рыбу за большую мель. Латышское предложение является точным переводом соответствующего ливского предложения: *vana lekš sūr āra tagan tūoŗidi veijām.*

¹³ J. F. Bunkau, Dondangen, besungen im Jahre 1721, «Das Inland», Dorpat, 1855, стр. 236. Здесь песня приводится по копии академика Шёррена (Архив Академии наук СССР, ф. 94, оп. 1, № 132), так как в журнале «Das Inland» много ошибок. Одна копия песни Бункау имеется в библиотеке Тартуского государственного университета (XIII в. 71, 2).

¹⁴ Напечатано без обозначения интонаций, так как в типографии нет соответствующих букв.

В латышском диалекте ливов имеются некоторые ливские звуки, как, например, редуцированное *ə* и звук *o*, близкий к эстонскому среднеязычному гласному *õ*. Гласному *e* латышского национального языка соответствует в этом диалекте ливско-эстонский гласный *ä*, который образуется при очень низком подъеме спинки языка. Отношения долгот звуков и интонации напоминают отношения долгот и интонации ливского языка. Ливы путают грамматический род латышского языка, так как категория грамматического рода неизвестна ливскому языку, и т. д. В словарном составе латышского языка ливов много ливских слов, как, например, *duŗb* 'рыба *cyprinus ballerus*' < ливское *dūrbu* (партитив *duŗbā*), *id* 'северо-восток' < *idū*, *jād* 'ряд сетей' < *jadā*, *eš joūd* 'я могу' < *joūdā*, *jēdals* 'юг' < *jedāl*, *jūoms* 'глубокая вода между песками' < *jūom*, *kaņgars* 'холм' < *kāņgar*, *kovāls* 'хитрый' < *kovāl*, *māgars* 'восток' < *māgār*, *lēm* 'внутренняя кора дерева' < *lēm*, *vēžgars* 'запад' < *ve'žgār* и т. д.

Ливы и латыши жили бок о бок в течение многих столетий как добрые соседи. Антагонизм между ливами и латышами в Дундаге стал проявляться лишь с ростом капиталистических отношений, когда начала складываться латышская нация. Противоречия тем более обострялись, чем напряженнее становились отношения между антагонистическими классами в деревне. Ливы были в основном рыболовами и моряками, добывавшими себе пропитание собственным трудом, тогда как в расположенных за лесами крупных латышских хуторах быстро дифференцировалось кулачество, которое стало угнетать ливских и латышских рыбаков и других малоземельных и безземельных жителей побережья. Начиная с периода латышского национального движения остатки ливской народности сливаются с латышской нацией. В противоположность латышам и эстонцам, история ливов не знает своей эпохи национального движения. В настоящее время у ливов имеется общая с латышами территория, в широком смысле слова общая экономическая жизнь и общий психический склад. Поэтому вполне понятно, что несколько сот ливов, еще сохраняющих в обиходе свой язык, в конечном счете сольются с латышской нацией.

DIE LIVEN UND DIE LIVISCHE SPRACHE

P. Ariste

ZUSAMMENFASSUNG

Die Liven sind ein altes ostseefinnisches Volk, das schon Mitte des ersten Jahrhunderts vor unserer Zeitrechnung eine selbständige Volkseinheit bildete. Das livische Volk war nie zahlreich; im 13. Jh. begann bereits seine Assimilation durch die Letten. Es gibt urkundliche Angaben darüber, wie die livische Sprache vor der lettischen Schritt für Schritt wich. In der ersten Hälfte des 19. Jh. gab es an der Salaca-Mündung noch Leute, die des Livischen kundig waren. Heutzutage gibt es nur etwa 500 gut livisch sprechende Fischer, die im Ventspilser und Talsier Bezirk der Lettischen SSR ansässig sind.

Von den Liven aus dem Ventspilser und Talsier Bezirk un Salaca gibt es Aufzeichnungen seit Mitte des 18. Jh. In den letzten Jahren ist vom Kollektiv des Katheders der finnougri-schen Sprachen der Staatsuniversität Tartu besonders reiches linguistisches und folkloristisches Material geborgen worden. In den Märchen, Liedern und in der Mythologie der Liven sind viele Züge vorhanden, die nur diesem Volk eigentümlich sind. Sogar vom ethnographischen Standpunkt aus unterscheiden sich die Liven von den Letten und von den Esten.

Die livische Schriftsprache wurde auf Akademiker F. J. Wiedemanns Initiative geschaffen. Das erste livische Buch erschien 1863. Insgesamt sind in der livischen Sprache an die zwanzig Bücher herausgegeben worden, die Zeitschrift «Livli» und einige gelegentliche Publikationen.

Die Liven hatten von je her enge Beziehungen zu den baltischen Volksstämmen und Völkern, in späteren Jahren besonders zu den Letten. Aus dem Lettischen sind ins Livische zahlreiche Lehnwörter und sogar morphologische Elemente übergegangen. Die lettische Sprache hat auch das phonetische System des Livischen stark beeinflusst. Der Einfluss des Lettischen wird stets stärker.

Indem sie mit den Letten verschmolzen, beeinflussten aber auch die Liven ihrerseits die lettische Sprache, so dass sie livische Lehnwörter und phonetische Eigentümlichkeiten aufweist. In den Bezirken, wo noch vor kurzem Livisch gesprochen wurde, ist im Lettischen ein starkes livisches Substrat nachzuweisen. Im Anhang des Artikels findet sich ein Text, der eine Vorstellung von der in livischen Dörfern gesprochenen lettischen Sprache gibt.

THE LIVS AND THE LIVISH LANGUAGE

P. Ariste

On the territory of the Latvian Soviet Socialist Republic side by side with the Letts there lives a not very numerous people — the Livs, about whom there is found very little information in Soviet scientific literature. At one time the southern part of the Esthonian SSR and the northern part of the Latvian SSR was called by the Livs themselves Livonia or Livland.

According to the archeological data, the territory, which was later occupied by the Baltic-Finnic tribes, was continuously settled for the span of several thousand years B. C. About 800 years B. C. the boundaries between the latest tribal groups begin to take shape.

Archeological data are confirmed likewise by the linguistic material¹. A number of essential features that distinguish separate Baltic-Finnic languages from each other, has undoubtedly appeared as early as 1000 B. C. Judging by linguistic data, the Livish tribal group was one of the most ancient independent groups of Baltic Finno-Ugrians.

In the basic vocabulary of the Livish language there are many such words of Finno-Ugric origin, which are not known to other Baltic-Finnic languages, viz. Estonian, Votic, Finnish, Ingrian, Carelian and the language of the Vepses. The grammatical system of the Livish language contains as well a number of features that are not known to other kindred languages. Ancient writings speak of the Livs as of an independent ethnic group. Thus for example the most ancient Russian annals «Повесть временных лет» (Narrative of Temporal Years) gives detailed data about the settling of the Eastern Slavs and their neighbours shortly before the former were united under the rule of the Kiev Princes. The Livs or Libs are mentioned among the other neighbours of the Eastern Slavs².

¹ А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху, Москва, 1952, page 164;

Н. М о о р а, Pirmatnēja kopienas iekārta un agrā feodālā sabiedrība Latvijas PSR teritorijā, Rīgā, page 25; page 5 and further.

Х. А. Моора, вопросы этногенеза народов Советской Прибалтики по данным археологии. Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, XII, Москва, 1950, page 29; П. А. Аристе. К вопросу о развитии ливского языка, Труды института языкознания АН СССР, IV, Москва, 1954, page 154, П. А. Аристе, Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития, Вопросы этнической истории эстонского народа, Сборник статей под редакцией Х. А. Моора, Таллин, 1956,

² Повесть временных лет I. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц, Москва, 1950, page 13 and 29.

A greater amount of information about the Livs has remained in the chronicals of the period of predatory wars carried on by German knights in the end of the 12th century and in the beginning of the 13th century. It was the Livs who were the very first victims of German expansion in the Baltic. When the greater part of the Slavic tribes who lived on the shores of the Baltic sea were enslaved, the German conquerors began their further invasion eastwards. Usually these invasions began with the appearance of German merchants and Latin missionaries.

The first permanent German fortifications appeared on the shores of the river Daugava in the eighth decade of the 12th century. The Livs who inhabited Livonia and those whose settlements were located on the shores of the Daugava and Gauja were enslaved by the Germans in the beginning of the 13th century. The Livs of Courland (former Couronia) stubbornly resisted the German invaders but in the course of the 13th century they lost their independence.

The Livs had never been numerous. In the beginning of the 13th century, at the time when Henry of Lettland wrote his annals, the Livs occupied a comparatively small territory on the shores of the Bay of Riga, from the Estonian linguistic boundary in the north to the middle of the Kurzeme Peninsula. At some places the Livs and the Letts or the Livs and the Kurš occupied one and the same territory; for example on the Kurzeme Peninsula, on the northern shore of river Daugava and partly on the shores of the Gauja. Livish lands which lay to the north of the Daugava suffered greatly during predatory wars due to frequent attacks on the Livs by their neighbours — the Ehsts and Letts who fought the invaders that had established fortifications on Livish territory. Owing to long wars the number of Livs decreased greatly as early as in the 13th century. The ravaged and devastated lands of the Livs were settled chiefly by the Letts who dwelled in the neighbouring localities. The common territory populated by Livs and Letts increased. Step by step the Livish language was ousted by the Lettish. There exists a possibility to trace, in a way, how the Livish language gave place to the Lettish in some ancient Livish localities. In the 14th and 15th centuries the Livs inhabited various places around Riga and Sigulda³.

In the seventh decade of the 17th century the Baltic historiographer Thomas Hiärne recorded a number of Livish words and sentences in a locality situated between the towns of Limbaži and Cēsis⁴. In his chronicles Hiärne writes that the Livish language was spoken on the shores of the Salaca, that is in the mouth of river Salaca and south of it, as well as on the territory near Limbaži, Lielupe, Nabe and Vaināži⁵. The investigator of Livonian antiquities J. L. Börger wrote in A. D. 1778 that on his way from Ērgeme to Riga, in the Regensberg inn, he personally met several people who spoke Livish.⁶

In A. D. 1807 W. von Ditmar mentioned the Livs of Vec-Salaca, Svēt-

³ Joh. Andreas Sjörgen's. *Livische Grammatik nebst Sprachproben*. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-etnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann. St. Petersburg, 1861, page XLVII and following.

⁴ A. Western-Doll. *Thomas Hiärns Estnisch und Livisch*. Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1921, Dorpat 1922, page 39 and following.

⁵ Th. Hiärne. *Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte*. Monumenta Livoniae Antiquae I, Riga—Dorpat—Leipzig, 1835, page 13.

⁶ J. L. Börger. *Versuch über Alterthümer Lieflands und seiner Völker, besonders der Letten*. Riga, 1778, page 85.

ciems and those who inhabited the shores of river Svētupe and Salaca not far from the sea.⁷

In the 18th and 19th centuries the Salaca river valley was inhabited by such a number of Livs that their language was repeatedly recorded by various investigators. The most prominent of these were H. Jannau and A. J. Sjörgen. The latter visited the Livs in A. D. 1846. The Livs of Salaca completely mingled with the Letts in the second half of the 19th century.⁸

At present time the inhabitants who know Livish and who consider themselves an independent people, live in 12 villages situated on the narrow strip of coast on the Kurzeme Peninsula cape in the Ventspils and Talsi districts. Two villages, Melnsils (called in Livish Mustanum) and Kolka (Kūolka) are situated on the shores of the Bay of Riga, and the rest are located on the coast of the Baltic, west of Cape Kolka. These 10 villages are named as follows: Vaida (Vaid), Saunaga (Sānōo), Pitrags (Pitrōg), Košrags (Koštrōg), Mazirbe (Ire), Sīkrags (Sīkrōg), Jaunciems (Užkila), Lielirbe (Ira), Mīķeltornis (Piza and Lūžna (Lūž). Only 500—550 inhabitants of these villages speak Livish. A certain number of Livs inhabit Dundaga and Ventspils, Talsi, Riga and some other localities. The total number of Livs is considered to be about 800. The Livs have greatly suffered in the period of German Fascist occupation. They were driven out of their homes and forced to go away into the interior of the land. There many of the old Livs who had always spoken their native tongue died of insupportable living conditions. Some perished in the Fascist concentration camps or died of forced labour in Germany. When in 1945 the Red Army liberated the territory inhabited by the Livs they received opportunity to return to their former habitations and to start the building of a new life.

Gradual disappearance of the Livish language can be traced in former Courland as well. In the 19th century the Livs had still dwelled in Gipka and Roja.

Nowadays in all the Livish villages there is a great number of Letts, while in the greater part of the villages Lettish is spoken even more than the Livish. Only a small number of the young people know Livish well, whilst among the children it is known by very few. The younger people usually know only Lettish and almost cannot be distinguished from their Lettish neighbours.

The Livs of Salaca called themselves *lib*. At present the Livs of Kurzeme call themselves *lioli*, plural *liolist* or *rāndali*, plural *rāndalist* meaning the Littorals and *kalamiez*, plural *kalamied* meaning the Fishermen. The Letts call the Livs — *libieši* and *jūrmalieši* — viz. the Littorals. In the Estonian literary language this people is called *liivlased*. The Estonians of the island of Saaremaa who have direct relations with the Livs by sea call the latter *kuralased*, that is *Kurš* or «*rannakuralased*» — meaning littoral *Kurš*.

Serious interest in the Livs was aroused in many investigators in the second half of the 18th century. One of the first to organize an investigation of the Livs and the Livish language was A. L. Schlötzer. On

⁷ W. von D i t m a r. Disquisitio de origine nominis Livoniae, Heidelberg, 1816.

⁸ A. J. S j ö r g e n. Bericht über eine im Auftrage der Russischen Geographischen Gesellschaft während der Sommermonate des Jahres 1846 nach den Gouvernements Livland und Kurland unternommene Reise zur genauen Untersuchung der Reste der Liven und Krewingen, Denkschriften der russischen geographischen Gesellschaft zu St. Petersburg I, Weimar, 1849, page 453—605. The abridged itineraries of A. J. Sjörgen were published in in Russian: Записки Русского Географического Общества II, Санкт-Петербург, 1847, page 253 and further.

H. J a n n a u. Ueber die Grund- und Ursprache der Ehsten, — Beiträge zur genaueren Kenntniss der ehstnischen Sprache IX, Pernau, 1828.

Schlötzer's initiative the pastors of the church in Mazsalaca, Engure and Mazirbe recorded Livish words and sentences which were published by him in A. D. 1770⁹. Neither Schlötzer nor any of his correspondents knew the Livish language. That is the reason why there is such a great number of mistakes in all these notes. Yet these notes are of a great value as they first gave scientists a fuller presentation of the structure of the Livish language. In the beginning of the 19th century several amateur linguists recorded or published new lexical materials, texts and grammatical examples of this language.

The interests of investigators were chiefly restricted to the language. It was very seldom that any remarks were made about the people and their mode of life. The first scientist who started scientific investigations of the Livs and their language was academician A. J. Sjögren. He visited the Livs in A. D. 1846 and 1852. First he went to the shores of river Salaca and then to Kurzeme. Sjögren was accompanied by Petzold — the artist who painted a large number of water-colours that are considered to be of great ethnographical value. The greater part of these paintings is kept in the collection of the Geographic Society of the USSR in Leningrad. Some specimens are preserved in the archives of the State Historical Museum in Riga. During his travels Sjögren collected much morphological, lexical and folklore material. His description of the Livish mode of life is of special importance. Sjögren's information of the Livs of Salaca is inestimable as after him no investigators had ever appeared on this territory, which was formerly inhabited by the now vanished Livs. In the end of the 18th and in the beginning of the 19th centuries the Livs of Salaca were intentionally destroyed by the land-owners and the clergy. The Livs were considered to be wizards and witches. They were forbidden to speak Livish and were forcibly settled among the Letts for quicker assimilation.

Sjögren died in A. D. 1855 leaving his materials on Livs unprepared for publication. The Academy of Science entrusted academician F. J. Wiedemann with the publication of these materials. In 1858 Wiedemann undertook a journey to Kurzeme to collect additional information and to fill in such blanks as were left in the works of Sjögren. This joint work of Sjögren and Wiedemann, which appeared in print in A. D. 1861 presents one of the most significant publications of the Academy of Science in the field of linguistics and ethnography and contains 833 pages of text.¹⁰ The first volume of this work contains as well a rather wide survey of literature that is related to more ancient periods of Livish history. Information on the mode of life of the Livs, collected by Sjögren and Wiedemann and supplemented by other investigators is of immense value from the ethnographical point of view. The mode of life of the Livs of Kurzeme, their social and economic structure, relations with the land-owners, garments, beliefs and superstitions are described in the first volume. Here too are given examples of folk-lore, folk songs etc. The second volume is a Livish-German and German-Livish dictionary with a wide vocabulary.

Although the Academy of Science took the first step in the field of scientific research of the Livs, in later years this people was forgotten by it. Later on it was chiefly the Finnish philologists who engaged themselves

⁹ J. J. Haigold. *Beylagen zum neueränderten Russland II*, Riga, 1770, page 345 and further.

¹⁰ Joh. Andreas Sjögren's *Livische Grammatik nebst Sprachproben*. Im Auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften bearbeitet und mit einer historisch-ethnographischen Einleitung versehen von Ferdinand Joh. Wiedemann, St. Petersburg, 1861. Second volume: *Livish-deutsches und deutsch-livisches Wörterbuch* St. Petersburg, 1861.

in research of the Livish language and who published new data on historical phonetics, texts and a new Livish dictionary.¹¹ Livish folk-lore was collected in great number by Estonian scientists of folk-lore. All these materials are kept in the Fr. R. Kreutzwald Literary Museum of the Estonian SSR in Tartu. Some works concerning the beliefs and folk-songs of the Livs were published¹². The Estonian People's Museum in Tartu (now the Ethnographical Museum of the Academy of Science of the Estonian SSR) collected ethnographical material about the Livs.

When in 1940 the Livs, the Letts and other Baltic peoples entered the Union of Soviet Socialist Republics, the Estonian and Latvian scientists included in their plans a thorough investigation of this small people. But the German aggression of 1941 interrupted the contemplated work for several years. It was only after 1945 when the German fascists capitulated that the remainder of the Livs, who had been driven from their villages could once again return to their native land and the scientists obtained the opportunity to continue their research. Thus the Department of Finno-Ugrian languages of the Tartu State University set itself the task of a thorough collection of Livish linguistic materials. Although the Livish language had been set in writing in the past, the notes were too one-sided. Only lexical and phonetic materials were formerly collected. It was now necessary to collect materials on syntax, morphology semantics and to enrich the vocabulary. Besides that materials on the mutual Livish-Lettish linguistic relations had to be gathered. With the above purpose in summer of 1948—1950 and 1955—1956 the Tartu State University organized research expeditions to the Ventspils and Talsi districts where dwells the remainder of Livs who speak their native language. The work of the expedition was directed by the teachers of the Tartu State University. The students who studied Finno-Ugrian languages were the other members of the expedition. The expedition collected not only pure linguistic material but also the folk-lore, viz. tales, legends, folk-songs etc. The development of linguistic and social conditions in Livish settlements in the course of the 19th century was subjected to careful study, as data for this period in earlier works is not numerous. Legends of feudal times and of Livish revolts against the barons of Dundaga were recorded. A great amount of various information which as yet requires elaborate work was obtained.

Livish settlements are situated on the dunes where the soil is not fertile. Only rye and potatoes can be cultivated there. The fields present tiny fenced patches of land. The meadows are somewhat better and permit to pasture cattle and sheep. In feudal and capitalist times the Livs were forced to buy wheat from the Letts who dwell in the interior of the land. But their chief means of existence the Livs obtained by fishery. The most wide-spread sort of fish is the sole and the sprats. Other sorts of fish are few and have no economical importance. In the older form of fishery each craft represented a separate «company» (*seļtš*). The owner of the craft or any one member of the «company» was the leader. The «company» possessed its own fishing nets. The fish was either equally divided among all the members, except the owner of the craft, who received two parts of the taking, or else each member received that part of the catch which was taken in the net belonging to him. The fish was taken into the interior

¹¹ L. Kettunen, *Untersuchung über die livische Sprache I*, Tartu, 1925; E. N. Setälä, *Näyttelä liivin kielestä*, Helsinki, 1953; L. Posti, *Grundzüge der livischen Lautgeschichte*, Helsinki, 1942; L. Kettunen, *Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung*, Helsinki, 1938 etc.

¹² For instance: O. Loorits, *Liivi rahva usund I—III*, Tartu, 1926—1928; O. Loorits, *Volkslieder der Liven*, Tartu, 1936.

where it was sold to Lettish peasants in farm-steads and villages or else exchanged for grain. With the development of capitalism differentiation went on among the Livs too. In the Livish villages there appeared rich fishermen who hired workers and bought fish for sale. In the beginning of this century the canneries of Riga and Tallinn began to send their representatives to Livish villages. The representatives made contracts with the fishermen and salted or canned the fish directly on the shore. The richer Livs bought sailing boats or motorboats which they sailed themselves or hired seamen. The development of navigation was favoured by the nautical school which was established in Mazirbe (called in Livish Ire) in the very centre of the territory inhabited by Livs. Later on during World War I, the Livish fishing fleet was practically destroyed. Many Livs were engaged in trading. They purchased fish, cattle, leather etc. from the Estonians of the Saaremaa Island and shipped these goods further on straight into the hands of the traders of Riga. As the poor inhabitants of the Saaremaa Island could find no work in their vicinity, in the end of the last and in the first decades of this century labourers and shepherds started to migrate across the strait to rich peasant farms of the Letts. The rôle of mediators between the workers and employers was played by a certain group of Livish kulaks. Nowadays Livish fishermen have united into large fishing artels (associations for common work).

Contrary to the Letts Livs have always dwelled as they do now not in separate homesteads but in villages. The house of the Livish peasant in a way differs from that of the Lettish. This is explained by a different mode of life and housekeeping of the Livs who find no necessity in a large number of buildings. The Livish homes are made of wood, for the most part boarded and painted white, yellow, green or blue. Opposite the house and across the yard there are various structures: a pigsty or cattle-shed, a barn, a wood-shed or a hay-loft, a special little fish barn on high corner stones or piles, in later years this was replaced by a cellar. The fish barn was sometimes located on the seashore far from the house. On the shore close to the moorage there are sheds for fishing nets. Usually between the house and other buildings there is a yard covered with turf and kept very clean. All the buildings are surrounded by a low fence. At a distance from the buildings there is a threshing barn which is also usually fenced. Close to the living houses in some yards there are small fruit gardens, while more often there are only flower gardens. In richer households the living house consists of two, three or more wall-papered rooms with painted floors. In some older houses one can find old furniture which is painted green or red and decorated with flower patterns, but in most cases it reminds a petty-bourgeois style. The poorer houses usually contain a kitchen-anteroom and a living room. The stoves of the Livs, like those of their Lettish neighbours, are low and faced with tiles.

The national garb of the Livish men has long ago gone out of use (two-three generations ago). The women's apparel has remained longer. The elder women preserve it in clothes-boxes and dress it on solemn occasions, for instance on wedding fêtes. Some young women even now sew national clothes and dress them during demonstrations, amateur performances, holidays etc. At the last republican holiday of folk-song in the Latvian SSR the Livish choir of Mazirbe was the centre of attention due to the beautiful national costumes. The national costume of the Livish women consists of a skirt of narrow many-coloured strips, and a one-coloured — red or blue — bodice, which is dressed over a white blouse. On the neck they wear very gaudy (ready-made) kerchiefs. The breast is decorated with clasps

and buckles which resemble those worn by Lettish women. Sometimes brass or copper chains are worn. On the head — a low hat embroidered with flowers. On the shoulders the women wear shawls which are as large as those worn by Lettish women.

The Livs are mingling with the Letts. The difference between these two peoples decreases from year to year. The peculiar character of the Livs is vividly seen in their modern folk-lore. For the most part Livish legends are connected with the sea. There is told a number of tales about «sea-people» (*mier-rouž*) who supposedly live at the bottom of the sea; the sea-people pasture their cattle on the blue sea-shore and invite the fishermen to their weddings («The Sea-Wedding» — is the most popular Livish tale), they help diligent fishermen and punish the lazy and the negligent etc. There also exist popular beliefs and tales of the «werewolves» (*vīlkatōkst*), of special nymphs — wizards, who are named «cold shoes» (*kylma-kōngad*), and of a hero, the «Great Tel» (*Sūr Tel*). It is of course understood that in Livish beliefs and tales there is much that is common with corresponding Lettish beliefs and folk-lore. Popular tales exist among the Livs now too. The Livish folk songs greatly resemble the Lettish ones, but there are such, as are not known to the Letts.

Livish literature, in the native language is not numerous. It was originated with the help of academician F. J. Wiedemann. The first Livish book was published in A. D. 1863. The first Livish writers were teachers by profession — N. Polman (Nika Polman) and J. Printz (Jāņ Princ). The few literary works of the past century are solely of a religious nature. In the 20th century, besides religious literature, there was published a number of readers, books for children, books of songs, calendars and various small booklets as well as a gazette called *Livli* (The Liv).

Nowadays it is chiefly the difference of languages that separates the Livs from their neighbours — the Letts. The language of the Livs, the Estonians and the Votes forms the southern group of Baltic-Finnic languages; the Finnish, Carelian, Ingrian and Vepsi form the northern group. The Livish is much closer to the Estonian, than the Lettish is to the Lithuanian. Therefore the Livs and the Estonians can understand each other quite well.

The language of the Baltic tribes and later on the Lettish language had a great influence on the Livish. All the Baltic-Finnic languages have many ancient adoptions from the Baltic tongues. But it is the Livish that has the greatest number of such adoptions. These ancient adoptions are important from the point of studies of the history of Livish language, as they preserve many ancient phonetical features of Baltic languages, for example note the following words: *palandōks* — dove, Lettish — *balodis*, Lith. — *balandis*; *kill* — green woodpecker, Lettish — *dzilna*, *dzilnis* (< ancient form **gilna*); *vāgal* — burbot, Lettish — *vēdzele*, Lith. — *vėgėlė*; *kōidaz* — reed, Lettish — *škiets*, Lith. — *skietas* (the Livish language indicates that the ancient Baltic form was **skeitas*) etc. etc. Ancient adoptions from the Baltic languages and the Lettish, which are found in the Livish language received the Baltic-Finnic phonetical semblance, that is they have been fully assimilated with the vocabulary which was inherited by the Livish language from the general Baltic-Finnic lexical fund, for example: *krežiļ* — basket < Lettish — *grezele*; *tūr* — corner < *stūris*; *rāibō* — to rake up < *grābt*; *plaka* — bug < *blakts*; *juddōrz* — chanterelle (*Cantharellus cibarius*) < *judras* etc. Nevertheless the greater part of Lettish adoptions that are present in the Livish language has such a phonetic structure as is not typical of the Baltic-Finnic languages, but has been formed under the influence of Lettish phonetics: *daļa* — part < *daļa*; *dzislōz* — vein *dzisla*,

gūd — honour < *gods*; *znuot* — son-in-law < *znots*; *nēžōd* — yoke < *nēši*; *sprādž* — buckle < *sprādze* etc. It is a well known fact that the Livish language has left its traces in the Lettish language having greatly influenced its vocabulary and less so its phonetics and grammar. Nevertheless the Lettish language was preponderant as the territory of the Livish language decreased more and more and at present times still continues to decrease. This process will go on until the Lettish language completely ousts the Livish. The Livish language is now in that stage of its development where the number of Lettish elements contained in it grows. The sphere of use of the Livish language is very narrow: it is limited to several households of some ten villages.

Principally the grammatical system of the Livish language is similar to the Estonian, Vote, Finnish and other Baltic-Finnic languages. The Livish system of declination and conjugation differs from the system of other Baltic-Finnic languages only in some details. In word formation too there are only separate features that are not known to other Baltic-Finnic languages. The greatest influence of the Lettish language on the Livish tells in the verbal system. Thus for instance all the following prefixes are adopted from the Lettish: *vōttō* — to take; *aizvōttō* — to adopt, to borrow, to take away (Lettish — *ņemt*, *aizņemt*); *tiedō* — to do, *apliedō* — to surround (Lettish — *taisīt*, *aptaisīt*); *umblō* — to sew, *izumblō* — to embroider (Lettish — *šūt*, *izšūt*); *kandō* — to carry, to wear, *pakandō* — to carry out, to carry over (Lettish — *ņest*, *panest*); *vodlō* — to wait for, *savodlō* — to await (Lettish — *gaidīt*, *sagaidīt*) etc. Several Lettish suffixes have penetrated into the Livish language, for example: *-igs*, *-ums*, *-iba* — *āndig* — generous (*āndab* — he gives); *pūdōm* — cleanliness (*pūdōz* — clean); *kovalib* — brain (*koval* — clever).

A number of Lettish features can be found in the synthesis of the Livish language. Thus for instance the third person of the singular number is used instead of the Baltic-Finnic impersonal: *ku um jōva āigu, siz veijōb kallō* — when the weather is good fish is caught — *veijōb* means «he catches» and «is caught». All the other Baltic-Finnic languages have particular impersonal forms, for example the Estonian *püüab kala* — he catches fish and *püütakse kala* — fish is caught. In the Lettish language *zvejo* means «he catches» and «is caught». Lettish influence is told not only on the vocabulary but even more so on the vocal system of the Livish language. Phonetical influence of the Lettish language can be noticed in the far-off past and continues at present. Thus for example in the current century vowels *ō* and *ū* were delabialized into *e* and *i*, as the Lettish language knows no labial *ō* and *ū*. In the beginning of this century Livs said: *sūdam* — heart, *kūla* — village, *rōptō* — to shake, while now new forms *sidam*, *kila* and *reptō* are used.

In the Livish language there is a number of phonetical features that developed simultaneously in both the Livish and the Lettish language. Such phonetical feature is for example the passage of softened *š*, *ž*, and *č* (= *t'*, *š*) into *š*, *ž*, *č*; *māškōz* (< **māsik*) — wild strawberry, *tāuž* (< **tāuž*) — full; *voť sō* (< **ot šī-*) — to seek etc.; compare with Lettish — *šūt*, Lith. — *siuti*, to sew; Lettish *lācis* — the bear, genitive case *lāča* < **lāča*. Both the Lettish and the Livish language possess similar peculiar intonation system. Phonetically the Livish language has departed from other Baltic-Finnic languages to the greatest measure.

Notwithstanding a strong influence of the Lettish language the Livish has still remained a typical Finno-Ugrian language.

The Livish language has played an important rôle in the formation of

the Lettish language. The Livs who turned over to the Lettish language preserved in their speech a large number of words, expressions and grammatical features of their language which in later years could have spread to primordial Lettish territory. The number of Livish grammatical features in Lettish dialects is gradually decreasing. In those places where the Livish language had disappeared, and where Livs besides the Lettish language knew their native tongue, the bastard Lettish they spoke was strongly Livonized. Pastor J. F. Bunkau of Dundaga in A. D. 1721 characterized the Lettish language of the Livs in his verses about Dundaga in the following manner (the very same fragment of the song is given here in the normal Lettish linguistic form):¹³

WeiĶa ne irr, weĶtra peeĶsch,
peĶka peeĶruĶkst, ko buhs darriht?
Mums tas tohrmis ja iszeesch.

ZveĶas nav, vētra spieĶ,
spēka pleĶrūkst, ko būs darīt?
Mums tas stormis jāĶzcieš.

— There is no catch, the storm is crushing. What is to be done? We must weather this storm.

The Lettish language of the Livs is characterized by the incorrect use of the negative form of verb «būt» — to be — (*ne ir*, instead of *nav*) and the loss of consonants in the beginning of words. Modern Livs speak Lettish considerably better, but even so their language differs greatly from that of the neighbours who speak Lettish only. Here is an example of Lettish speech of an old Livish woman from the village of Mazirbe:

tei cieme ir doūdz majes, te runē libisk un latvisk. te ir vairāk latvieš nekka libieš. mus cieme ir slikt zem, smilktāns. ka nou liec, tad iskālst vis. mās dzive nuo jur. tur zvejĶuo zives. tuos parduod un tad dabē noud. mums katram ir vien guow. es dzĶvuo šini istabe diudesmit gad, essir slimis cilvāks. man jagul gultta. mannir švaks sirc. essir seĶdesmit septin gad vāc. man massir vācāk biš par man. bral'i tie ir nuomirūš. tie bi doudz jounaks.

The above example of the Lettish dialect spoken by the Livs in Lettish literary language would correspond to the following:

Tai ciemā ir daudz māju. Še runā libiski un latviski. Še ir vairāk latviešu nekā libiešu. Mūsu ciemā ir slikta zeme, smilšaina. Kad nav lietus tad izkalst viss. Mēs dzīvojam no jūras. Tur zvejo zivis. Tās pārdod un tad dabū naudu. Mums katram ir viena gov. Es dzīvoju šinī istabā divdesmit gadus. Esmu slimis cilvēks. Man jāgul gultā. Man ir vāja sirds. Esmu sešdesmit septiņus gadus veca. Mana māsa ir bijusi vecāka par mani. Brāļi ir nomiruši. Tie bija daudz jaunāki.

— In this village there are many houses. Both languages Livish and Lettish are spoken here. There are more Letts than Livs here. In our village the soil is bad, it is sandy. When there is no rain, everything dries up. The sea feeds us. Fish is caught. It is sold for money. Each of us has a cow. I live in this room for twenty years. I am a sick woman. I have to lie in bed. I have a weak heart. I am 67. My sister was older than I. The brothers, they are dead. They were much younger than I.

The author of this paper has heard the following sentence in the village of Mikeltornis: *vāces aizĶaj aiz diš susĶlem jāĶams zvēit*, i. e. *vecāis aizgāja aiz lielā sēĶļa svaigumus zvejot* — My husband has gone to catch fresh fish behind the great sandbank. The Lettish sentence is a direct trans-

¹³ J. F. Bunkau, Dondangen, besungen im Jahre 1721, «Das Inland», Dorpat. 1855, page 236. Here the song is quoted from the copy of academician Sjögren (Archives of the Academy of Science of the USSR, folio 94, opus I, No 132) for in the magazine «Das Inland» there are many mistakes. There is one copy of the song of Bunkau in the library of the Tartu State University (XIII v. 71, 2).

lation of the corresponding Livish sentence: *vana lekš sur arà tugar iuridi veijõm*.

The Lettish dialect of the Livs has some Livish sounds, for example reduced *e* and the sound *o* which is very close to the Estonian medio-lingual vowel sound *õ*. The vowel sound *e* of the Lettish national language corresponds, in this dialect, to the Livish-Estonian vowel sound *ä*, which is formed when the back of the tongue is raised very low. Relation of sound duration and intonation reminds the relation of duration and intonation of the Livish language. The Livs confuse the grammatical gender of the Lettish language, as the category of grammatical gender is unknown to the Livish language etc.

There are many Livish words in the Lettish vocabulary, for example: *durb* — fish called «cyprinus ballerus» < Livish — *dūrba* (partitive *durbe*); *id* — north-east < *idà*; *jad* — a row of nets < *jadà*; *es joud* — I can < *joude*; *jèdals* — south < *jedal*; *juoms* — deep water between sand bars < *jùom*; *kangers* — hill < *kāngar*; *kovàls* — sly < *kovāl*; *magers* — east < *māger*; *liem* — internal bark of the tree < *liem*; *vēžģers* — west < *vežģer* etc. etc.

Livs and Letts have lived side by side for many centuries in good neighbourhood. Antagonism between the Livs and Letts of Dundaga appeared only with the growth of capitalistic relations, when the Lettish nation began to form. Contradictions grew sharper with the growing tension in relations among the antagonistic classes in the villages. The Livs were mainly fishermen and seamen who earned their bread by their labour, while in large Lettish farmsteads that lay beyond the forests there quickly differentiated a rich kulak class who began to oppress the Livish and Lettish fishermen and other inhabitants of the sea coast who had little or no land. With the Lettish national movement remains of the Livish people mingle with the Lettish nation. Contrary to the Letts and the Estonians the history of the Livs has no epoch of a national movement of its own. At present the Livs have a territory that is common with the Letts, in the wide meaning of the word. They have a common economical life and a common psychology. Therefore it is quite understandable that the several hundred Livs who still preserve their language will eventually completely assimilate with the Lettish nation.

Translated by N. Nemirovsky

